

Ведется работа над редактором!

Беременная женщина пила чай, не подозревая, что в нем растворена частичка божественности. Для ее вкусовых рецепторов горькие листья были самым преобладающим вкусом. Она не обращала особого внимания на жидкость, не больше, чем на цвет листьев на земле или оттенок заката. Она допила чай, но это было инстинктивное действие, ее мысли были заняты совсем другим.

Действительно, она была сосредоточена на более локальных вещах. Например, на шаре расплавленной магмы, который внезапно вспыхнул в ее тазу. Это был ее первый ребенок, и ей казалось, что этот момент был проигнорирован, когда ее мать объясняла ей, как рожать детей. Она не сдержала проклятий в адрес своей похороненной родительницы за ложь бездействия, удвоившись.

Через несколько мгновений боль рассеялась, и беременная женщина почти засомневалась, чувствовала ли она вообще боль. В ту ночь ей приснился необычный сон. Она перебирала множество вариантов и создавала своего ребенка. Она взяла на себя все вольности, которые будущая мать могла бы сделать для своего ребенка. Сильный, красивый, важный. Проснувшись, она забыла этот сон так же, как забыла фантомную боль после обеда.

Через месяц она родила здорового мальчика. Она прижимала к себе свою драгоценность, уже в его волосах и глазах она видела черты его отца. Она радовалась и страдала. Она плакала слезами, не зная, были ли они надеждой или отчаянием.

Пока ребенок рос, его мать угасала. Беременность отняла много сил, и, несмотря на работу местных целителей, она умерла прежде, чем ребенок успел вспомнить о своей матери. Все произошло быстро, ребенку даже не успели дать имя. Его взяли в приют семьи Гуань, поскольку его отец занимал место приказчика в семье.

Он был тихим младенцем, затем тихим ребенком и, в конце концов, тихим ребенком. Он больше наблюдал и слушал, чем суетился, за что воспитатели были ему благодарны. Его любили окружающие взрослые, так как он вырос проникательным и хорошо воспитанным членом семьи. Поскольку у него не было родителей, которые могли бы дать ему имя, в раннем детстве его называли Гуань А. Позже, когда он смог говорить и понимать имена, он назвал себя Дэн, а Гуань А Дэн был принят в семью Гуань.

Он не может сказать, почему он знает, что его зовут Дэн, но он знает. Точно так же он не может и не хочет никому рассказывать о своем сне. Это его самое раннее воспоминание, и оно пугает его. Его часто укоряют за то, что он не спит, но в ночи, когда дождь усиливается, он избегает своего спального места, как будто это сам ад.

Сам сон - кошмар - звучит вполне обычно. Если бы Дэн мог говорить об этом, он бы сказал, что его сон начинается с того, что он смотрит вниз на тихую планету. Красота неопишима, как и ужас, который он испытывает, когда понимает, что снова оказался в ловушке. Он вынужден ощущать каждый момент своего существования. Он кувыркается в небе на десятки осколков.

Он чувствует, как врежется в твердую землю, словно метеориты, и когда он просыпается, его челюсть болит от звона зубов. Когда он чувствует, что просачивается в землю, как дождевая вода, сон почти закончен. Последняя, крошечная, невозможно маленькая частичка себя падает в чашку с чаем, и он просыпается.

Дэн не настолько хорошо разбирается в снах, чтобы считать это странным. Он просто знает, что ненавидит тошноту и ужас, с которыми он просыпается после этого. Поэтому он не спит. Он медитирует и занимается каналами, как учат всех детей. Дэн обнаружил, что матроны не порицают его за то, что он не спит, если он тренируется, поэтому он тренируется до тех пор, пока не упадет от усталости.

Каким бы тихим ни был Дэн, он не был невидимкой. Темные тени под его глазами были предметом нескольких шуток и более чем нескольких взглядов жалости. Из-за собственного упрямства Дэн отказывался назвать причину своей бессонницы. Так бессонница сводилась к грустным взглядам и садистскому хихиканью, пока Дэну не исполнилось шесть лет. До того дня, когда Дэн проснулся от одного из своих изнуряющих снов в незнакомой комнате. Солнечный свет проникал в комнату только через окна, расположенные высоко в стенах. Центр комнаты и боковые стороны были темными. Абсолютно древняя пара старейшин, мужчина и женщина, наблюдали за Дэном, когда он сел. Он был сонным, но быстро встал и поклонился в знак уважения.

"Оооо, - ворковала старуха, - нельзя сказать, что он плохо обученный маленький щенок". Женщина ответила на поклон Дэна таким движением, от которого у него закружилась голова. Взрослые, к которым привык Дэн, только поправляли позу твердой рукой и шли дальше, если что. Голос старухи был скрипучим, как медленно трещащая ветка дерева. Это щекотало Дэну уши. Она ходила между освещенной и неосвещенной частями комнаты, издавая звенящие звуки в темноте.

"Циклируй свою ману".

Старик ворчал, его голос напоминал раскаты грома. Дэн едва не посмотрел ему в глаза, но решил этого не делать. Он не должен был задавать вопросы, когда ему приказывал старейшина, поэтому он подчинился. Дэн сразу же понял, что имел в виду старик, когда говорил. С таким же успехом можно было сказать, чтобы он сжал кулак, отрастил волосы или отвел глаза.

Дэн сделал глубокий вдох и почувствовал свою энергию, или "ману", как ее называли. Как Дэн не знал, похожи ли сны других детей на его сны, так и он не знал, насколько уникальна его собственная мана. Он описал свой контроль над ней как шар с твердой водой. Часть маны прилипала к бокам, но Дэн мог собрать ее, когда проводил ману вокруг своего ядра.

Видимо, это было нечто особенное, потому что два старейшины стали улыбаться Дэну гораздо больше, когда он рассказал об этом и спросил "что мне делать дальше?".

"Дальше?" спросила старуха.

"Что мне делать, когда я... насыщусь?" Он не знал, как еще это объяснить. Дэн знал, что на самом деле он не ел, но чаша, стоявшая в его сердцевине, казалось, вот-вот переполнится. Когда он впервые переместил свою ману, это было похоже на катание шарика в большой чаше. Теперь же казалось, что шар превратился в реку, которую он изо всех сил пытается сдержать. Все произошло так быстро, что Дэн порадовался, что не делал этого раньше.

"Теперь ты должен сделать так, чтобы он пошел в другую сторону".

На этот раз Дэн сильно моргнул от слов старика и вопросительно посмотрел на него. Он не мог даже затормозить водоворот внутри себя, как же ему теперь изменить направление реки? Тошнота нарастала в горле Дэна, пока его мана продолжала набирать скорость. Он попытался создать обратный поток, но это было все равно что опустить руку в ревущую воду. Что-то внутри Дэна защемило, на глаза навернулись слезы, как всегда бывает от боли, и контроль над ситуацией почти ослаб.

Как бы ни было плохо, что река маны продолжала ускоряться, будет еще хуже, если она вырвется из его чаши.

Дэн знал это инстинктивно. У него не было времени сердиться на старейшин за то, что они так с ним поступили, вместо этого он позволил своим глазам умолять их. Ему нужно было больше наставлений. Старуха смотрела между Дэном и стариком. Тошнота снова поднялась, на этот раз заставив Дэна проглотить обратно кислую желчь. Старуха шлепнула мужчину по руке, и он, казалось, слегка вздрогнул.

Он что, спал? недоверчиво спросил Дэн. Звук его маны, ревущей внутри, был почти оглушительным, и его удивило, что старик мог спать во сне.

"Что ты делаешь, мальчик? В другую сторону. В другую сторону. Выше. Как бы ни было. Не борись с ним, управляй им".

Дэн сосредоточился на ощущениях, когда говорил это. Если бы он мог говорить, а потом его попросили описать текущее ощущение, он бы сказал, что его мана идет спереди назад. Старик сказал "другой" и имел в виду "иной". Это все еще казалось почти невозможным, весь его контроль был направлен на сдерживание прилива, но не совсем невозможным.

Он направил всю свою концентрацию на это усилие. Его тело отклонилось от правильной формы, челюсть отвисла, глаза не моргали. Любые слова, которые могли произнести старейшины, терялись в белом шуме его маны. Вперед-назад, вперед-назад, вперед-назад, Дэн сосредоточился на перекачивающейся энергии. Спереди назад, взять немного и бросить вверх. Спереди назад, взять еще немного и бросить вниз. Спереди назад и продолжайте черпать из нее.

Процесс занял несколько минут, дыхание Дэна остановилось, и его энергия начала успокаиваться. Раньше он рассматривал свою ману так, словно она находилась в чаше, но теперь увидел, что она больше похожа на плоскую поверхность. Внутри нее было гораздо

больше места - от круга до сферы. По сравнению с этим бушующие пороги снова стали струйкой. Та же сила все еще была там, но она как будто выжималась из соломинки, переходя из пруда в озеро. Она пробралась сквозь Дэна и медленно начала искать границы, в которых теперь находилась.

Дэн задыхался, когда его легкие наконец вспомнили, что нужно вдыхать. Он хрипел и отплевывался, не в силах пошевелиться. Его руки и ноги были потеряны из-за булавочных уколов и иголок, которые медленно восстанавливали свою силу по мере того, как кровь возвращалась к конечностям. Старейшины молча наблюдали за ним, давая ему время, необходимое для того, чтобы прийти в себя. Хотя даже для очень хорошо ведущего себя ребенка Дэну было шесть лет, пережитое испугало его. Он заплакал, и старуха присоединилась к нему на койке, присев рядом.

Когда он наконец освободился от слез, зарывшись в юбку старухи, ткань ее одежды прилипла к лицу Дэна. Она не стала сердиться на него за сопливый нос, как это сделала одна из матрон, а взяла рукав и вытерла Дэну лицо.

"Так, так, - успокаивала она, - это было слишком, не так ли? Ты пока пообнимай Бабу. Яя сожалеет, что не предупредил тебя, правда, Яя?". Старая женщина, Баба, притянула Дэна к себе и посмотрела на Яя, старика. У Дэна волосы встали дыбом, и он не знал почему. Старик вздрогнул в своем кресле.

"Хватит об этом", - его голос стал громче, но все еще звучал, как сапоги на снегу. "Я... прошу прощения". Яя, казалось, не знал этого слова. "Вы молоды. Я забываю такие вещи".

"Нет, старейшина Яя..." Дэн вновь обрел равновесие, а вместе с ним и голос. Сейчас он боролся между нежеланием поправлять старейшину и нежеланием, чтобы Яя просил прощения. Как бы ужасно он себя ни чувствовал, как бы ни был напряжен, внутренности Дэна сейчас трепетали, словно мотыльки, выпущенные на волю. Было щекотно и приятно. Дэн встал со старейшины Бабы и глубоко поклонился им обоим.

"Спасибо, уважаемые старейшины".

"Ха!" - буркнул старейшина Баба. "Не уверен насчет уважаемых. Это было для меня, дитя. Я не хотела видеть тебя таким потерянным". Дэн не понял, что она имела в виду. Он никогда не покидал территории семьи Гуан, и, хотя они были очень большими, он знал их очень хорошо даже в своем юном возрасте. Тем не менее, похоже, он понравился старейшинам, и он был рад хотя бы этому. "Ему придется вернуться, Яя. Мы не можем держать его здесь".

Старик ворчал что-то, похожее на раздражение, но Дэн едва успел это заметить. Старейшина Яя, который к этому моменту еще не двигался, замерцал. Дэн успел лишь увидеть, как его тень нырнула вперед, словно это был отдельный человек. Очертаниями напоминающая древнего воина, тень старейшины Бабы двигалась как молния, и когда она коснулась тени Дэна, все вокруг потемнело.

К счастью, когда тень усыпила его, сон был без сновидений и спокойным. Мальчик проспал безмятежно восемнадцать часов, прежде чем проснулся, дезориентированный и изменившийся. Если бы не очевидный рост внутри себя, он мог бы подумать, что все это ему приснилось. В то, что странная комната с ее потайными местами и положительно первобытными старцами, которые говорили странным образом и направляли его со знанием дела, была плодом его воображения, можно было легко поверить.

Вот только теперь он был другим. Маленький шарик внутри, катящийся по поверхности тарелки, превратился в маленькую бушующую сферу. Что-то в растущей внутри силе казалось тайной, поэтому Дэн держал новообетенную бурю маны при себе. Он продолжал медитировать и избегать сна, но и это казалось менее суровым для его тела. В последующие дни и недели он обнаружил, что осознает себя гораздо лучше, чем обычно.

Он упивался этим. Без угара сна, застилающего чувства, все казалось более острым. Дэн почувствовал, что его способность реагировать резко возросла, и его больше не заставляли врасплах протянутые ноги других детей. В конце концов, дразнилки и обеспокоенные взгляды исчезли из памяти.

Если бы кто-нибудь догадался заглянуть в суть юноши, то назвал бы его гением. Он был самым молодым членом семьи Гуань, поднявшимся на перекрестную ступень за несколько поколений. Большинство достигали перекрестной ступени лишь в десять-одиннадцать лет.

Гуань А Дань достиг следующего барьера в своей сущности в возрасте восьми лет.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/73818/2039916>